

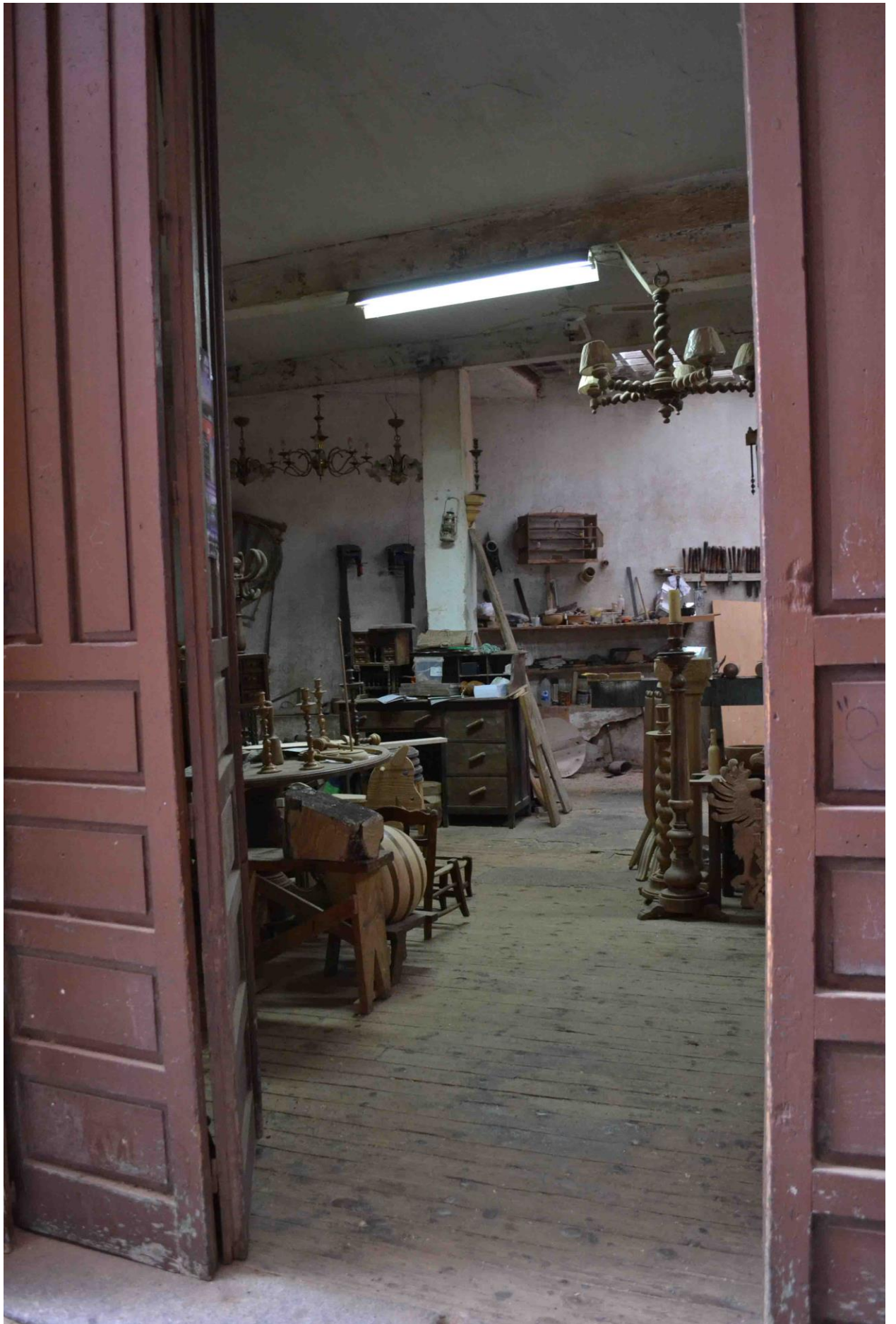
Побег от стужи. Толедо, ч. 10. 6 сентября, пятница

К западу от нашей гостиницы, т.е. от церкви Санта-Изабель, простирается густонаселённый квартал Баррио Посо Амарго (горького родника).

Кроме жилых домов – множество церквей и монастырей:

Эта улица проходит вдоль монастыря Сан-Клементе (справа):

Та же улица, монастырь слева, виден профиль портала, а на следующем снимке — сам портал в стиле платереско:

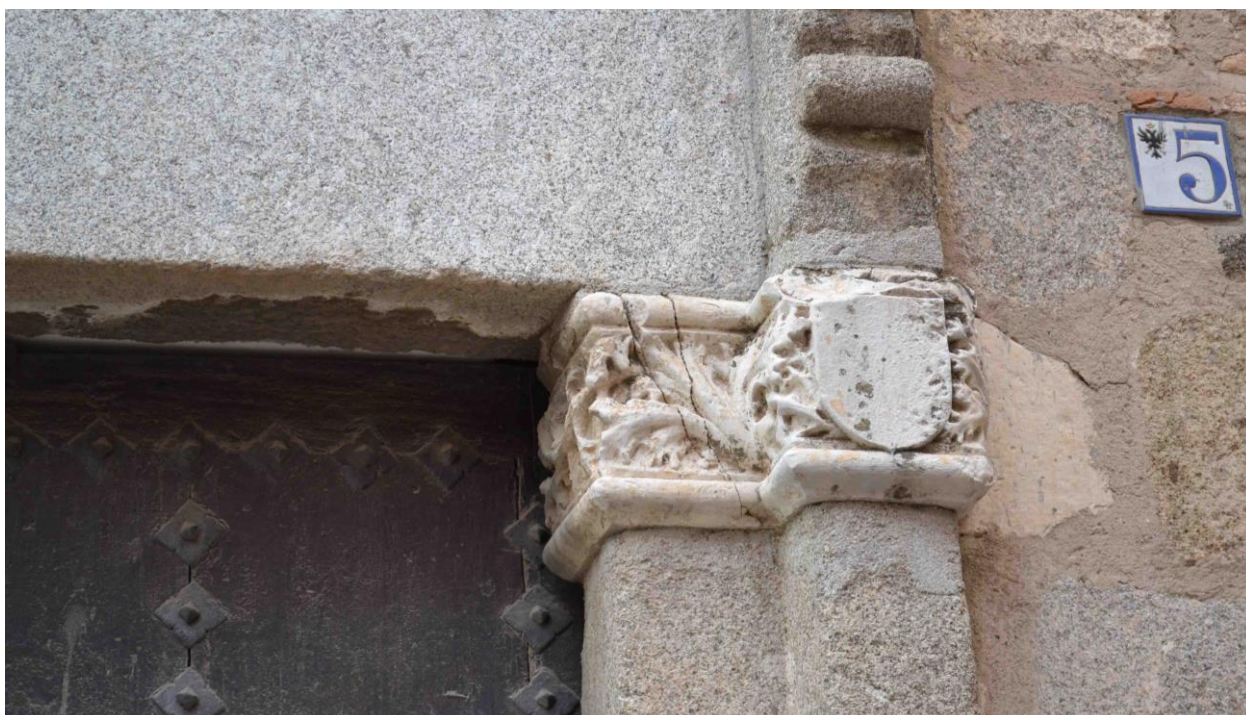

Сзади у него имеется скромный вход в габсбургском стиле, а рядом – солидный дом, какое-то учебное заведение:

Указанный в путеводителе красивый дом Каза де Меса, а также «Дом с цепями» мы так и не нашли. А этот скромный вход - в женский монастырь Санто Доминго эль Реал, основанный двумя женщинами, дочерью и возлюбленной Педро I Кастильского, на лиственных капителях – щит герба, увы, не сохранившегося:

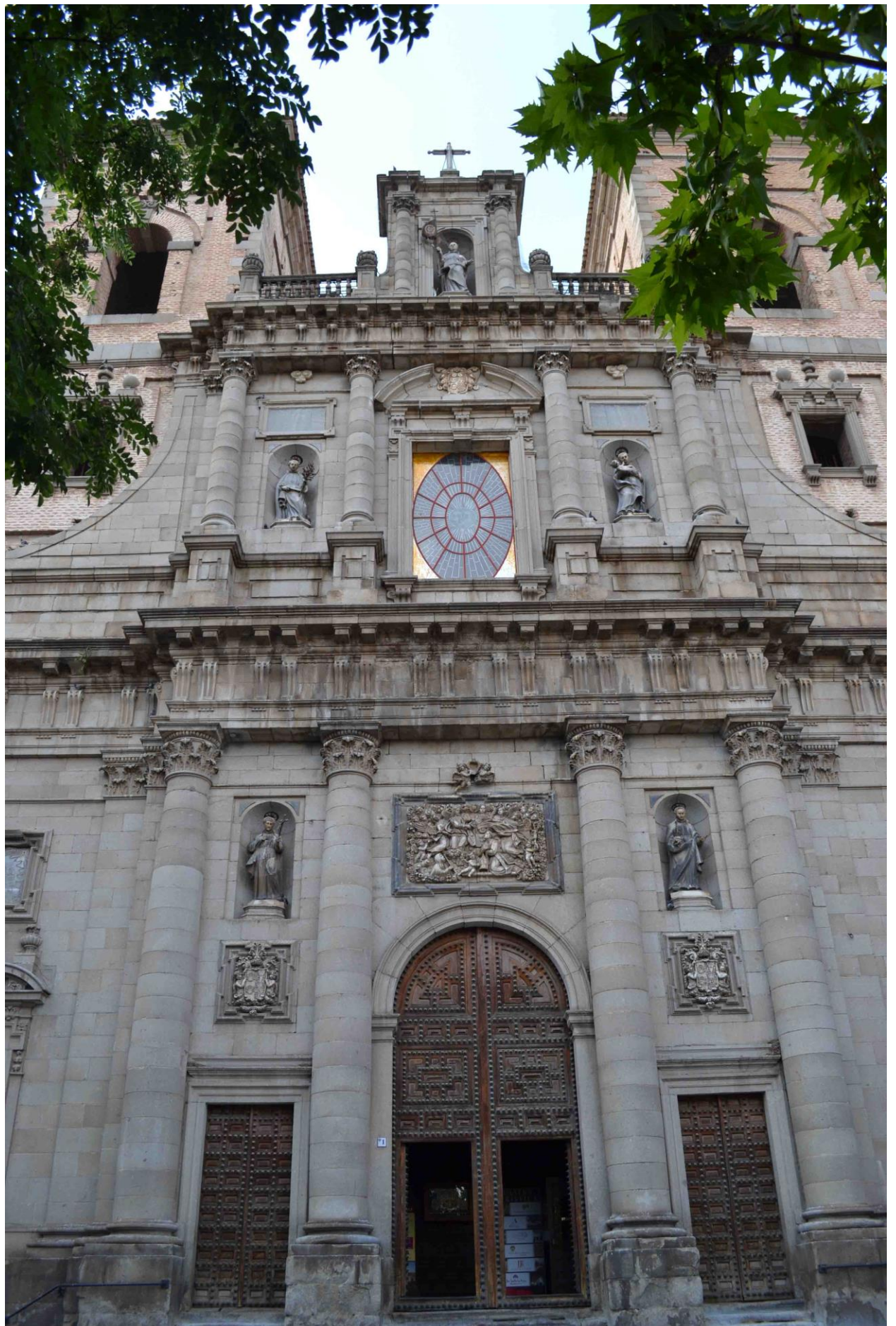
Говорят, что внутри великолепное убранство работы мастеров из рода Чурригера, но попасть туда можно только во время службы. Нам не повезло, в этот час монастырь был закрыт.

В этом городе, раздираемом противоречиями трех культур, не могли не происходить – на бытовом уровне – трагические или комические события. Они и происходили. История Ромео и Джульетты, если предположить, что они принадлежали разным по вероисповеданию семействам, выглядела бы здесь вполне естественной. И, по-видимому, нечто подобное произошло, т.к. название квартала - «горького родника» - «напоминает о двух несчастных влюблённых, своим самоубийством испортивших воду источника». Все это легло в основу многочисленных «толедских историй», существовавших в устном предании или изложении авторов эпохи барокко (Сервантес, Лопе-де-Вега, Тирсо де Молина) и романтиков XIX в. Именно эти улицы и были декорациями этих историй, недаром площадь перед монастырем носит имя поэта Беккера.

В церкви Сан-Идельфонсо колокольная-минарет бывшей мечети соседствует с габсбургской архитектурой:

А ее главный фасад вызывал reminiscencias с мадридской церковью Сан Исидро эль Реаль. Возможно, и автор у них один - Фрай Франсиско Баутиста. (Известно, что он построил в Толедо церковь Сан-Хуан).

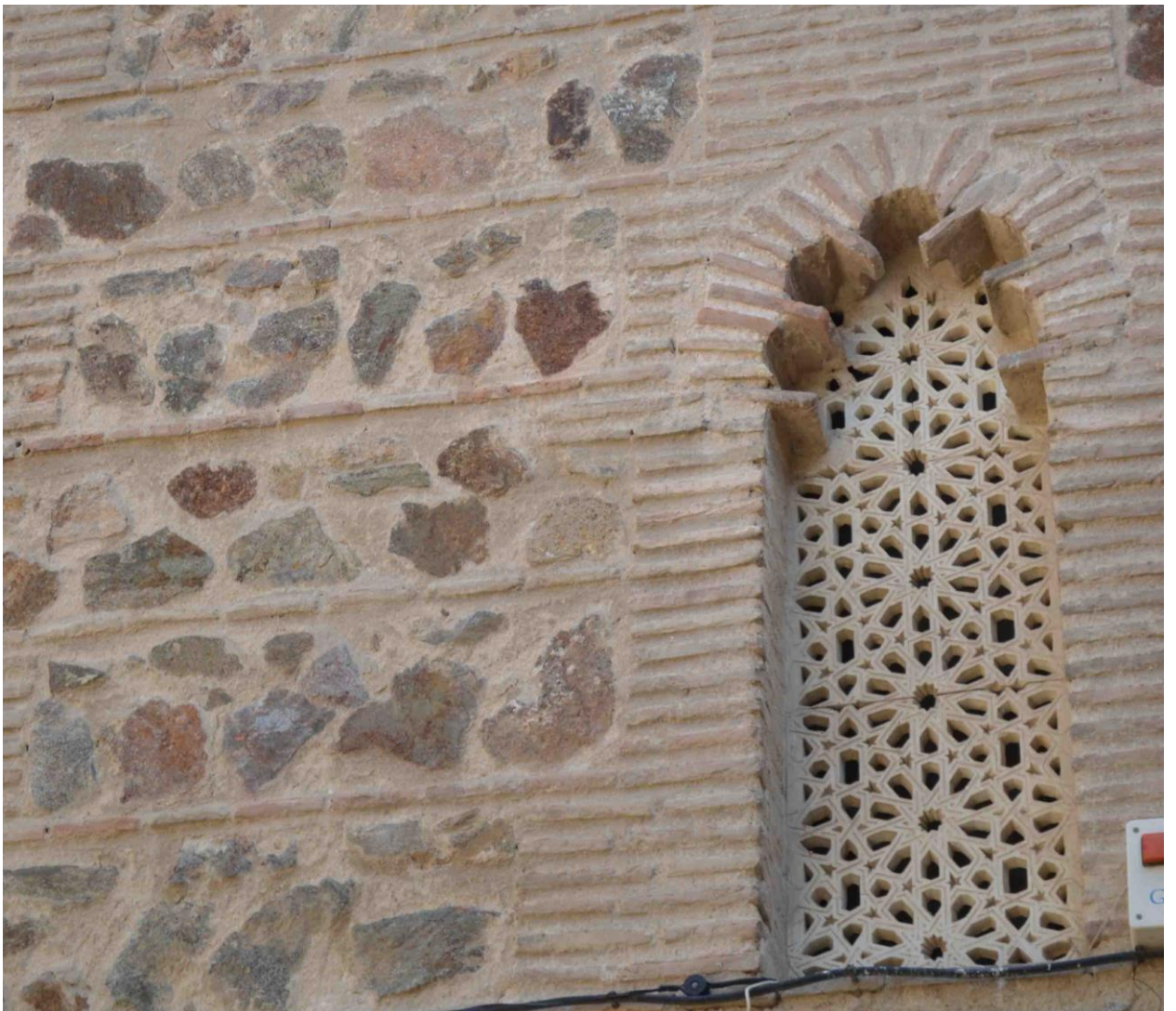

А мы идем мимо и приближаемся вон к той незаметной маленькой церкви, лишенной какого бы то ни было убранства, но таящей внутри необыкновенную прелесть:

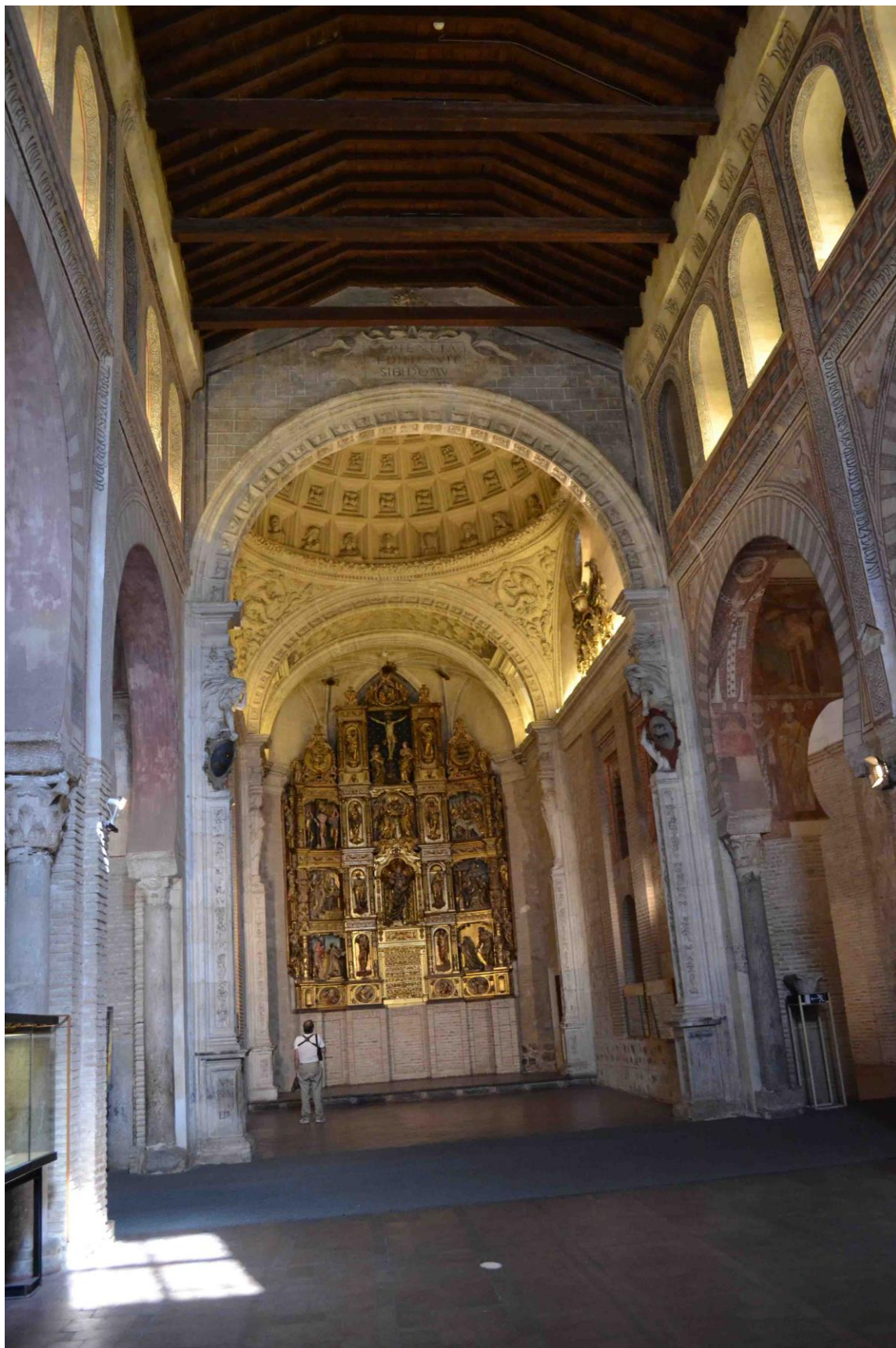

При ближайшем рассмотрении, однако, видно изящество стиля мудехар:

Это – церковь Сан Роман, такая же жемчужина Толедо, как церковь Кристо-де-ла-Луз и обе мечети. Построена в VI в. вестготами, затем была мечетью, затем – церковь в стиле мудехар. Ныне, будучи Музеем поместных соборов и вестготской культуры, хранит коллекцию, относящуюся к вестготской эпохе Толедо.

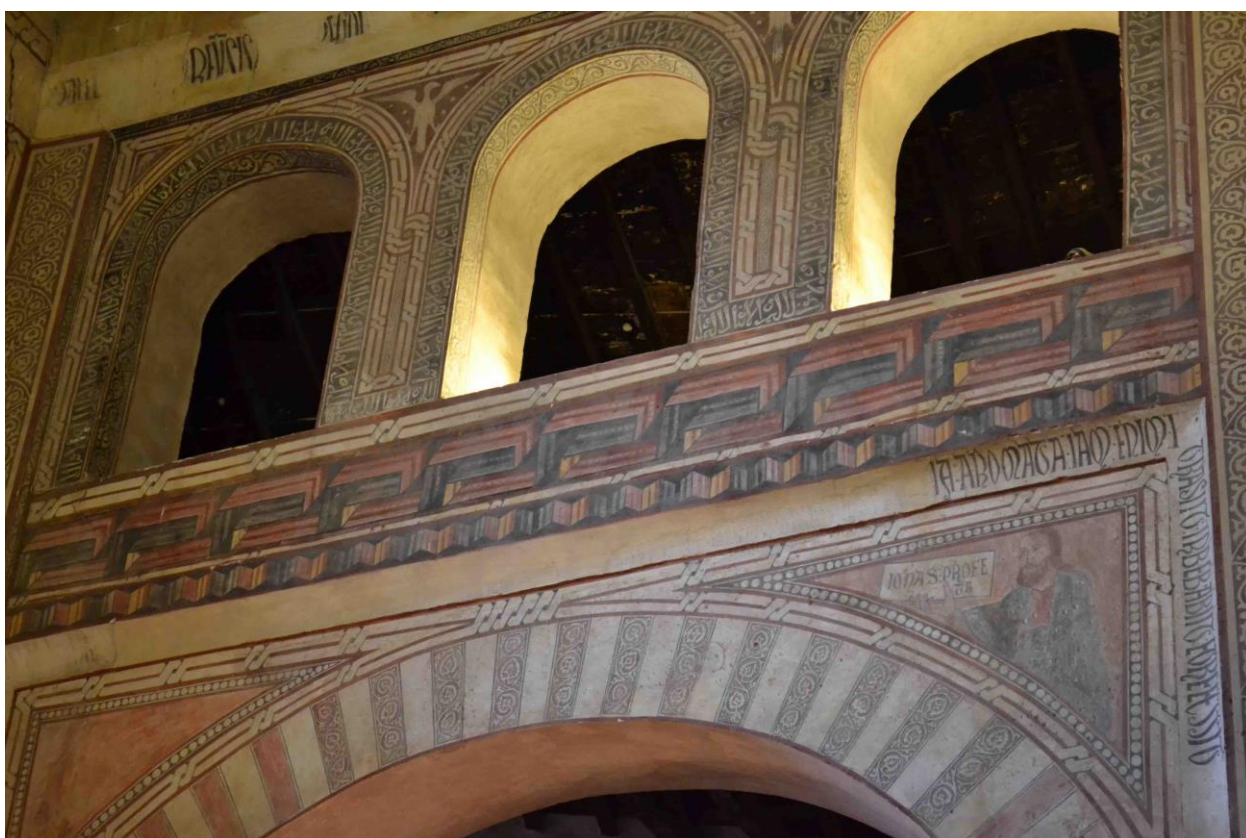

Внутри она демонстрирует удивительное сочетание различных культур. По структуре это трехнефная базилика, с деревянным потолком и открытыми балками. Огромные мавританские арки с характерной полосатой каемочкой разделяют нефы:

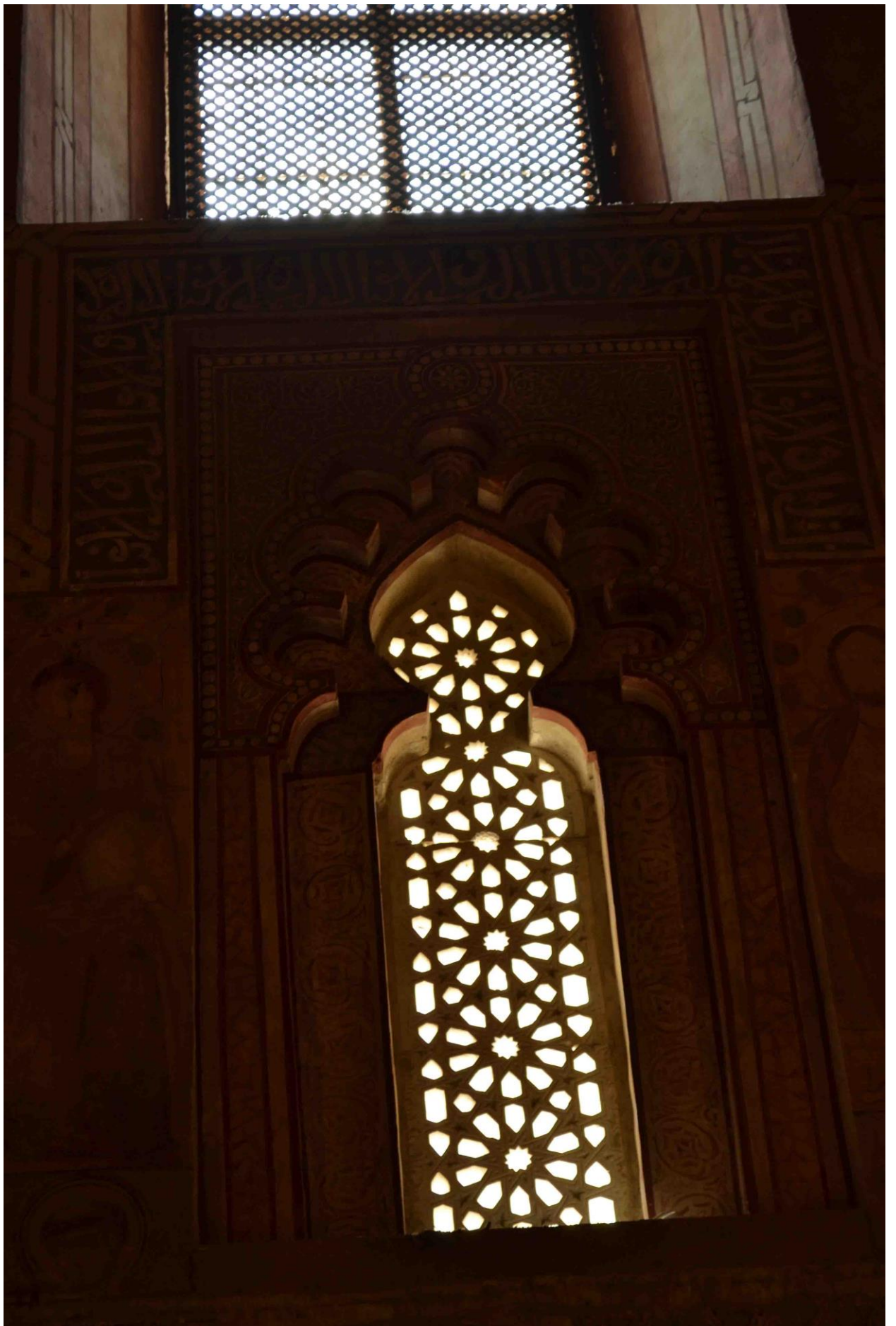
А в верхнем ярусе – окна в разделяющих нефы стенах имеют вполне традиционную для романских базилик полуциркульную форму:

Света, конечно, мало, но он проникает через зарешеченные, как в синагоге, мавританские окошки изумительных очертаний:

Отделка деталей носит следы самых разных эпох: тут и романские капители, и декор в стиле платереско:

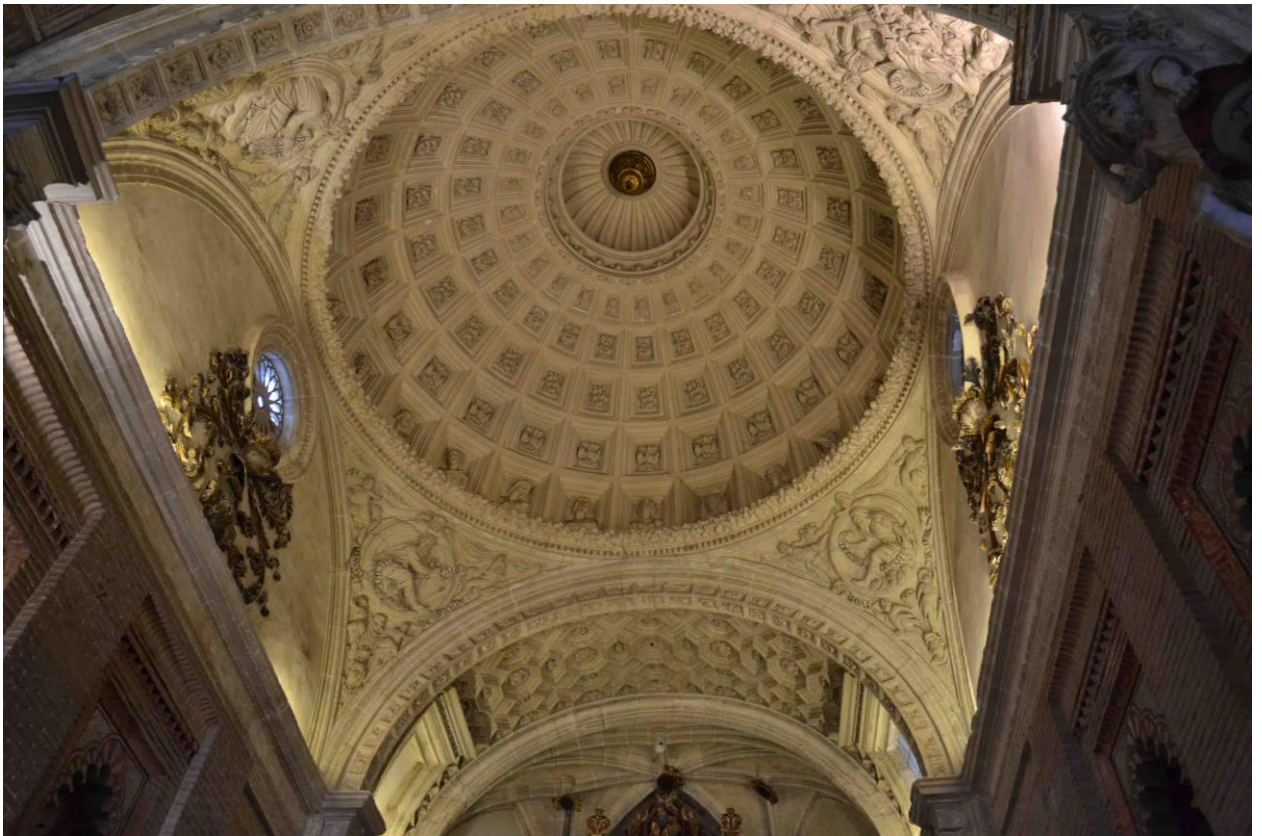

Но если с этим еще можно примириться, то ренессансный купол над алтарной частью выглядит совершенно неуместным, как абсолютно чужеродная, от другого здания деталь:

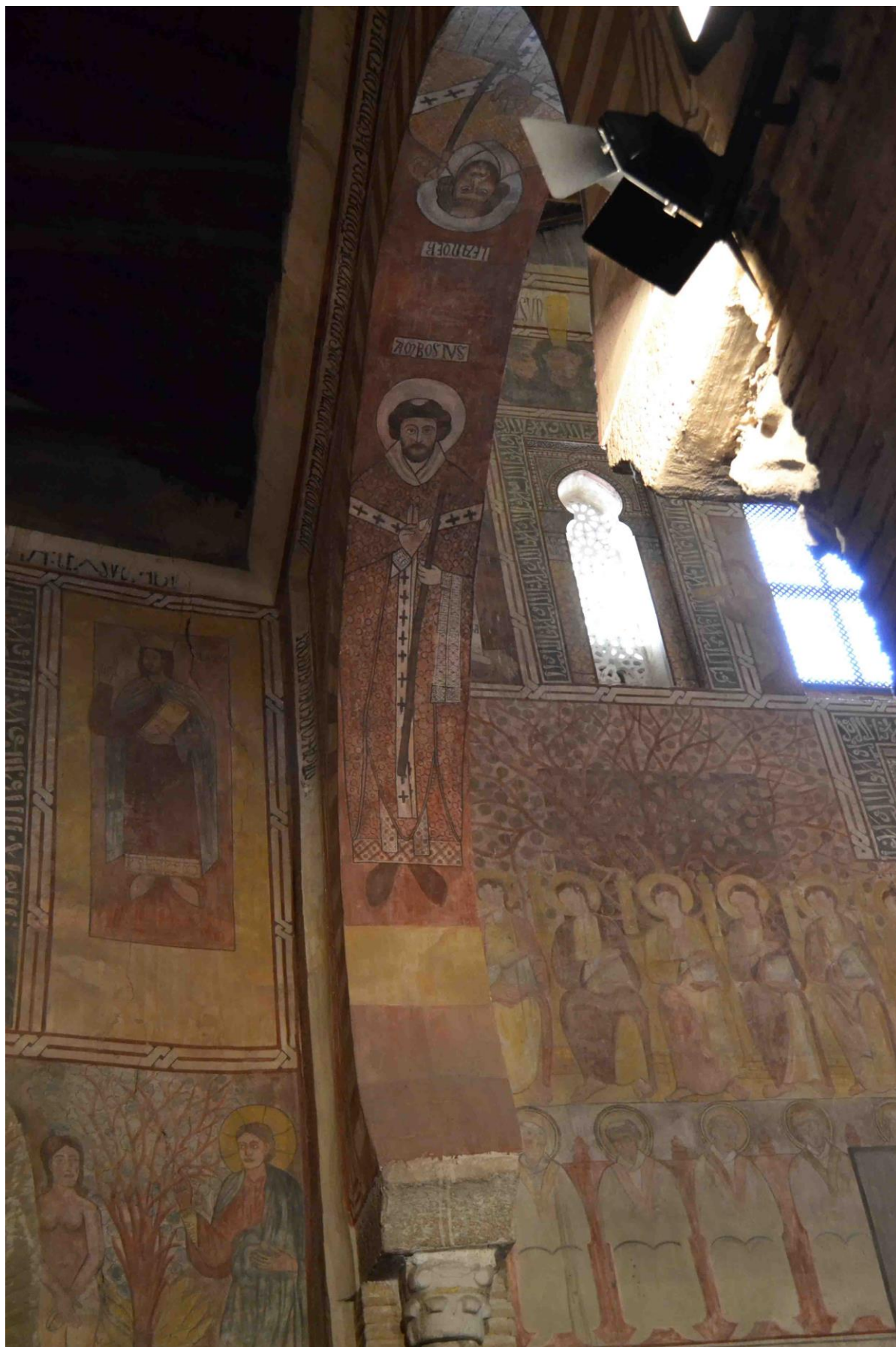

Зато древние романские фрески на мавританских стенах, на мой взгляд, неожиданно кажутся совершенно органичными. Краски немного поблекли, но и сейчас радуют глаз мажорной теплой гаммой:

В них так много византийского, что они напоминают росписи православных храмов:

В общем, это очередное волшебное место в Толедо, из которого никак не хочется уходить.

Но мы все-таки ушли – впереди у нас, в двух шагах отсюда, было последнее свидание с Эль-Греко – в церкви монастыря Санто Доминго эль Антигуо, перестроенной по проекту Хуана де Эррера.

Перестройка по счастью не коснулась апсид и колокольни, сохранивших чистый древний и уже привычный мудехар:

Церковь принадлежит монастырю, но работает как музей – за вход надо заплатить. Никаких туристских толп здесь не было, вообще НИКОГО, кроме нас и пожилой монахини, которая берет деньги и следит за порядком. И это несмотря на то, что здесь висят целых три подлинных произведений мастера.

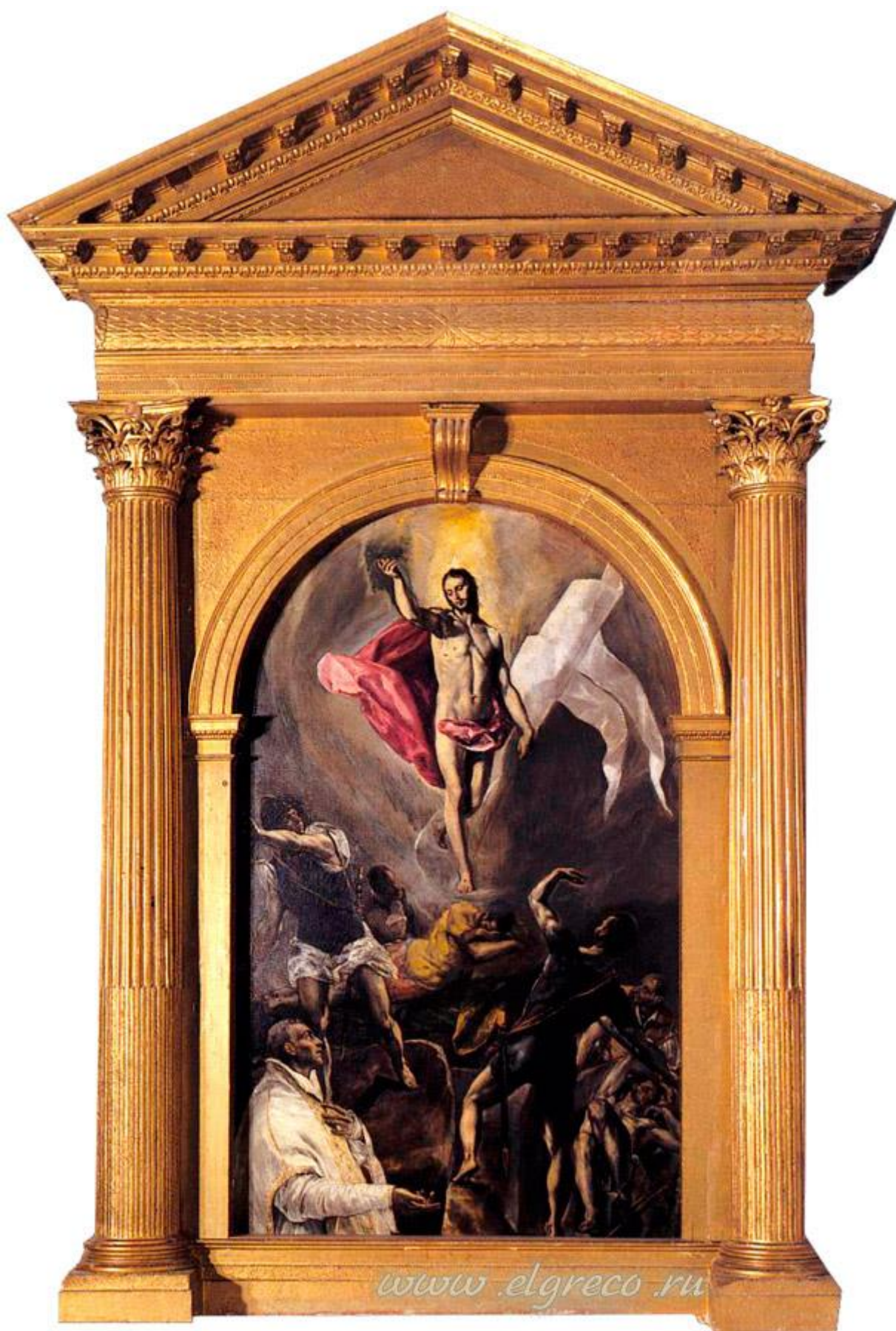
Напомню, это был первый заказ Эль-Греко в Испании, полученный им через декана (настоятеля) Толедского собора, с братом (или с незаконнорожденным сыном?) которого, Луисом де Кастильо, он познакомился в Риме. Обновленной церкви требовался иконостас. Проект главного и двух боковых алтарей был также создан архитектором, художнику следовало проследить за его выполнением и нарисовать эскизы скульптур табернакля (завершения ретабло). А главное, наполнить его живописью – написать 6 картин главного ретабло, не считая маленького образа «Спас нерукотворный» в центре, и две – для боковых алтарей. И он написал...

Сейчас из всех его произведений главного алтаря только боковые фигуры нижнего яруса – Иоанн Креститель и Иоанн Богослов - подлинные картины мастера, а также полотно одного из двух боковых алтарей – «Воскресение Христа»:

Остальные – тщательно сделанные копии, а оригиналы растащены по разным музеям. В частности, «Троицу» (верхний ярус) мы видели в Прадо.

Эль-Греко никогда ранее не писал алтарных образов, это – его первый опыт создания монументальных произведений. И он показал в них все, на что способен его гений. Хотя здесь он еще не вполне Эль-Греко. И не потому, что боялся шокировать первого и влиятельного заказчика (его, т.е. дон-Диего де Кастильо, он, кстати, изобразил в образе св. Идельфонсо в «Воскресении Христа»). Просто его собственная манера еще не сложилась. Так что в этих произведениях знатоки выявляют влияние его итальянских учителей – Тициана и Микеланджело, что вполне понятно – надо же было на что-то

опереться в это новое для него деле. Фигура Христа здесь «бледная и светящаяся... все же материальна и находится в реальном пространстве. Все эти черты исчезают в более позднем произведении на эту же тему». Тем не менее видно, что перед нами – мощный и совершенно самобытный талант.

Здесь, в этой церкви, Эль-Греко начал свой толедский жизненный период и здесь же его закончил – в крипте под полом находится его могила.

Монахиня показала нам еще какую-то живопись в церкви, но что именно, я не запомнила. На прощание купила на память (поскольку фотографировать здесь запрещено) открытки с тремя картинками, интуитивно выбрав как раз репродукции подлинников.

«Мысль об Эль Греко не покидает во время пребывания в Толедо». «Здесь можно увидеть прославленные полотна и откровенно слабые работы, уникальные образцы и копии, видимо, принадлежащие мастерской... Взлеты сменялись падениями, успех — неудачей, порыв – разочарованием... Из тумана представлений и фактов, литературных домыслов и романтических преувеличений смутно вырисовываются контуры этой удивительно противоречивой, духовно богатой и порой необъяснимой личности, одного из тех истинно великих, каких знала Испания».

Это был финал нашего пребывания в Толедо. Хотя в путеводителе указано еще много интересных мест, нам хватило того, что мы увидели. В тот вечер на крыше я сидела одна – мальчики доедали остатки позавчерашнего ужина в номере.

Дина Рубина права: Толедо, с его мгновенной сменой контрастных и необычайно ярких архитектурных впечатлений, сконцентрированных до состояния насыщенности, историческим контекстом и беспокойно-трагической живописью Эль-Греко вызывает невероятную усталость. И запоминается на всю жизнь.

Что ж, мои литературно-художественные предубеждения против Толедо развеялись. В конце концов, тут ничего, кроме обычного религиозного зверства, не случилось... Нынче следы его выветрились достаточно, чтобы это не давило на психику. Эль-Греко вот огорчил своими коммерческими заходами, да столбики эти чертовы... А в остальном – веселый, чисто туристический город, даже жалко было уезжать, тем более что некоторые зарезервировали за собой место за рулем на хайвее, оставив мне сомнительное удовольствие протаскивать авто по толедским уличным капиллярам.

Следующим утром, 7 сентября, Юрка мастерски вывел машину из подземного гаража, благополучно преодолев крутой поворот на столь же крутом подъеме (я была уверена, что в одном месте он заденет стену, но – не задел!), и ювелирно протащил ее по узким улочкам на трассу, где я его сменила за рулем. В этот раз навигатор был настроен на быстрый, а не на короткий путь, и мы поехали в Гранаду.